

ДАННЫЕ К ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ПРОИЗНОШЕНИЯ

/Литургическое произношение в XI-XIII вв./

Г. Хорват

Исследование церковнославянских, древнеболгарских по происхождению элементов в фонетической системе русского литературного языка с точки зрения исторической фонетики уже давно привлекает к себе внимание лингвистов и литературоведов. Известно, что русский литературный язык в ходе своего развития неоднократно подвергался влиянию церковнославянского языка и по своим внутренним языковым законам сохранял или утрачивал чужие элементы, или по образцу заимствованных элементов создавал на родной почве новые элементы. Несмотря на значительные результаты отдельных исследований по этому вопросу, все еще нельзя считать окончательно решенным ряд вопросов, связанных с частными явлениями, определением границ т. наз. первого южнославянского влияния /эпохи диглоссии/¹ и второго южнославянского влияния; до нашего дня недостаточно детально исследованы письменные памятники разных веков, отражающие влияние церковнославянского языка. Цель настоящей работы - исследование отражения литургического произношения в древнейших дошедших до нас /XI-XIII вв./ певческих рукописях, изучение возможности влияния системы церковнославянского произношения на разные жанры литературного языка и на живое произношение.

Б.А. Успенский, исследовав архаическую систему литургическо-

¹ Б.А. Успенский: К вопросу о семантических взаимоотношениях системно противопоставленных церковнославянских и русских форм в истории русского языка. In: Wiener Slavistisches Jahrbuch, 22. Wien-Köln-Graz, 1976., S.95.

го произношения старообрядцев-беспоповцев, отметил, что многие элементы этой системы произношения вероятно берут свое начало в глубоком историческом прошлом, быть может, в Киевской Руси². Правдоподобность этой гипотезы, однако, можно доказать только путем детального, тщательного анализа древнейших памятников письменности.

Ввиду того, что т. наз. певческие рукописи, отражающие произношение при пении, сохранили более архаическое состояние языка, чем тексты для чтения, в данной работе главное внимание мы уделяли изучению рукописей, содержащих в себе текст литургических песен; в первую очередь ирмосов, и некоторых других текстов, отражающих особенности псалмодического чтения³. Однако, бросающаяся в глаза связь между графико-орфографической и фонетической системами церковнославянских рукописей и новгородских грамот на бересте обратила наше внимание на то, что в круг исследуемых рукописей следует вовлечь и памятники, отражающие в первую очередь живое древнерусское произношение их писцов.

Использованные источники:

- Отрывок Ирмология XII-XIII вв. ГПБ, О 175, /8 лл/ Собр.

И. А. Бычкова [ИБ]⁴

- FRAGMENTA CHILANDARICA XII-XIII вв. Библ. Хил. мон. № 380

/72 лл/ [ФХ]⁵

² Б. А. Успенский: Архаическая система церковнославянского произношения. /Из истории литургического произношения в России/. Москва, 1968, стр. 97.

³ См. С. Булич: Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. ч. I, СПб., 1893, стр. 133.

⁴ Е. Э. Гранстрем: Описание русских и славянских рукописей. ГПБ. Л., 1953, стр. 74.

⁵ FRAGMENTA CHILANDARICA. Mon. Mus. Byz. Vol. 5. Copenhagen, 1957, в. Hymnologium

- Ирмологий Григоровича XII-XIII вв. ГБЛ Ф.87, № 37 /99 лл/
ИГ⁶
- Ирмологий Московской Типографской Библиотеки XI в. № 149 и
№ 150 /34 и 40лл/ Т⁷
- Ирмологий XII в. /или XII-XIII вв./ ГИМ Воскр. собр. № 28
В⁸
- Ирмологий XIV в. ГПБ О.Д.Т. 65. /2 лл/ И65⁹
- Ирмологий XV вв. ГПБ. Соф. собр. 497 С¹⁰
- Сборник певческий XVI в. Собр. Д.В. Разумовского № 12; ГБЛ
Ф № 379 [Р]
- Служебные Миней 1095-1097 гг. ¹¹

⁶ См. А.Е. Виктор: Собрание рукописей В.И. Григоровича. М., 1879, стр. 32. Отметим, что Н.Б. Тихомиров недавно, доказал, что отрывки Ирмология ИБ, ФХ и ИГ представляют собой часть одного и того же рукописного ирмология, найденного В.И. Григоровичем в Хилендарском монастыре. См. Н.Б.Тихомиров: Ирмологий /ненотный/. В кн. Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. I. М., 1973, стр. 316.

⁷Е. Koschmieder: Die ältesten Novgoroder Hirmologien-Fragmente. Lfgn. 1-3. München, 1952-1958. Abh. der Bayer Akad. der Wissenschaften, N.F. Lfg.1. 1952/ /Hf. 35/, Lfg.2. 1955/Hf.37./Lfg.3. /Hf.45/.

⁸ Ст. Смоленский: Краткое описание древнего /XII-XIII вв/ знаменного ирмология. Казань, 1887.

⁹ См. Е.Э. Гранстрем: Описание русских и славянских рукописей ГПБ. Л., 1953, стр. 48.

¹⁰Рукопись известна нам по фотокопии. Отметим, что она представляет собой ирмологий без нотации.

¹¹См. В.И. Ягич: Служебные Миней за сентябрь, октябрь и ноябрь по рукописям Моск.Синод.Тип. 1095-1097 гг. СПб., 1866, "Памятники древнерусского языка".

- Из опубликованных новгородских грамот на бересте XI, XI-XII, XII вв. следующие:

XI в.: № 90, 109, 120, 121, 123, 181, 245, 246, 247, 526, 527.

XI-XII вв.: № 7, 8, 9, 84, 119, 164, 238, 241, 335, 336, 338.

XII в.: № 74, 75, 76, 78, 79, 80, 82, 86, 87, 103, 107, 380. ¹²

1. Отражение норм искусственного произношения в рукописях литургического содержания XI-XII вв.

1. Особенности произношения редуцированных гласных

Редуцированные гласные в фонетически слабой позиции во всех морфемах сохраняются на письме в разных списках прмология XI-XIII веков. На 8 л. ИБ встречается всего один однозначный пример: Спасѣи 1об, который свидетельствует о падении слабого редуцированного. Следует отметить, что тот же корень на л. 6 об. пишется с ъ, причем над ъ стоит нотный знак: съпасло. В более поздних списках /С, Р/ в соответствующих листах наблюдаются формы спасѣи С.51об,

¹² См. А.В. Арицховский, М.Н. Тихомиров: Новгородские грамоты на бересте /из раскопок 1951 г./. М., 1953.

А.В. Арицховский: Новгородские грамоты на бересте /Из раскопок 1952 г./. М., 1954.

А.В. Арицховский, В.И. Борковский: Новгородские грамоты на бересте /Из раскопок 1953-1954 гг./. М., 1958.

А.В. Арицховский, В.И. Борковский: Новгородские грамоты на бересте /Из раскопок 1955 г./. М., 1958.

А.В. Арицховский, В.И. Борковский: Новгородские грамоты на бересте /Из раскопок 1956-1957 гг./. М., 1963.

А.В. Арицховский: Новгородские грамоты на бересте /Из раскопок 1956-1961 гг./. М., 1963.

Р 126а /без отражения хомонии/, но сопасло С 53об, Р 127об / с о на месте слабого редуцированного/¹³. В списках ФХ и ИГ также весьма редки случаи пропуска слабых редуцированных: спасль ИГ 9об, пра-вовѣрно ИГ 20а, творца ИГ 29об, многмилостивѣ ФХ 68об. Э. Кошмидер указывал на то, что при анализе судьбы редуцированных гласных в знаменых ирмологиях нельзя считать убедительным доказательством падения слабого редуцированного те написания, в которых над пропущенными ъ, ъ стоит какой-либо нотный знак, ибо нева указывает на то, что при пении в данном слове звук произносился¹⁴. В списке ирмология В. нет примера падения слабого редуцированного. В ИБ на 200 случаев употребления редуцированных ъ, ъ приходится один пример пропуска ъ, в списке Т на 10000 слов падает всего 2 безоговорочных примера отсутствия слабых ъ, ъ, даже в списке ХТУ в. И65 не встречается примеров отсутствия слабого редуцированного.

¹² /продолжение/: А.В. Арциховский, В.Л. Янин: Новгородские грамоты на бересте /Из раскопок 1962-1976 гг./. М., 1978.

¹³ О причинах "отсутствия хомонии" в русских ирмологиях см. Е. Koschmieder: Przyczynki do zagadnienia chomonji w hirmosach roszyjskich. Wilno, 1932.

¹⁴ См. Е. Koschmieder: Die ältesten Novgoroder Hirmologion-Fragmente. Lfg. 2. S.64.

Примеры такого рода мы оставили вне внимания при подсчете.

На основании этих фактов особенностью певческих ирмологиев XI-XIV вв. можно считать почти полное сохранение на письме графем ѣ, ѥ на месте слабых редуцированных.

Судьба редуцированных гласных в сильной позиции в древнерусских списках знаменных ирмологиев XI-XIII вв. отражается так, как в других рукописях разного содержания того же времени. В древнейшем списке ирмология В. отсутствуют написания с о, е на месте сильных ѣ, ѥ¹⁵. На 74 лл. новгородских фрагментов ирмология Т по расчетам Э. Кошмидера встречается всего 11 примеров перехода сильных редуцированных в о, е¹⁶. Из этих случаев 6 падает на суффикс -ѣств- > -ѣств- после д, 2 примера на суффикс -ѣн- > -ѣн-, 2 случая на суффикс -ѣд- -ѣд и 1 неоднозначный пример на флексию тв. п. ед.ч. словѣсемь. В более поздних списках ирмология /ИБ - ФХ - ИГ XIII в., И65 XIV в./ число таких примеров значительно больше. В списке ИБ из 29 случаев в 24-ех наблюдается замена сильных ѣ, ѥ с о, е, причем 6 примеров приходится на древнерусские рефлексы общеславянских сочетаний типа ^xтърт /въ цѣркви 1а, съ дѣрзновѣни-
емь 3а, въвѣржени 8об и др./,¹⁷ 11 на суффиксы -ѣд-, -ѣн-, -ѣств-, -ѣв- /правѣднь и 1об, ѡтъць 2а, 2об, 3а /2х/, 4об, 5а/2х/, ѡтѣ-
чьскъ и 3а, божествьноу 8об, [лю] бовню 1а/, 3 примера на корни /благочѣстья 5об, съшедь 5об, распростѣрь 5об/, и встречается 4 неоднозначных примера тв.п. ед.ч. существительных с основой на -ѡ

¹⁵ См. Ст. Смоленский: Краткое описание древнего /XII-XIII вв/ знаменного ирмолога ... Казань, 1887.

¹⁶ E. Koschmieder: Die ältesten Novgoroder Hirmologium-Fragmente. Lfg. 2. S. 62.

¹⁷ Написания такого рода несомненно указывают на вокализацию сильных редуцированных в живом произношении писцов. См. А.А. Шахматов: Очерк древнейшего периода истории русского языка. ЭОФ. вып. II, Пг., 1915, стр. 206.

и на согласный /сь/ цѣцѣмь 5а, доухомь 5а, мѣстѣмь 3об, плѣмѣмь 1а/. В списке ИБ сильные редуцированные только в малочисленных случаях передаются на письме графемами ѣ, ь /въ вѣдѣцкыа 8об, Стѣцкскъ и 3а, нѣ 1а, 3а, богомьслѣннѣ 1об/. В других частях того же списка ирмология ФХ, ИГ сильные ѣ, ь довольно часто заменены через о, ѣ, причем большинство таких случаев падает на суффиксы -ьск-, -ьств- после ж, ч, ш, возникших путем первой палатализации /ФХ: божѣствнѣ и 21а, 61а, прѣшѣствѣа 8а, 40об; ИГ: прѣшѣствѣ 39об, божѣствнѣ ихъ 96а и др./ на рефлекс о-сл. сочетаний типа ^хтъѣт, ^хтъѣт /ФХ: цѣрквь 7а, оутѣрѣдѣ 1а, сѣдѣржамѣ 1а, крѣвню 62об, сѣмѣрть 69об и др., ИГ: оутѣрѣжѣнѣ 86об, сѣрдѣцѣ 77а и др./ и на суффиксы -ьн-, -ьд-, -ьц-, -ьв- /ФХ: цѣрквь 7а, шѣцѣ 8б, правѣднѣнѣ 10об, младѣнѣца 12об и др., ИГ: правѣдѣнѣ 37а, слѣсѣнѣ 6а, любовню 53а, 54об, чловѣколюбѣнѣ 86а, и др./. Следует однако отметить, что во всех упомянутых выше морфемах в ФХ и ИГ представлены многочисленными примерами случаи передачи сильно редуцированных графемами ѣ, ь /ФХ: цѣрквь 1об, сѣрдѣцѣ 1об, вѣскрѣсѣ 6об, празднѣнѣство 23а, сѣдѣцѣ 37а, осоуѣствнѣна 54а и др., ИГ: сѣрдѣцѣмь 8об, вѣнѣцѣ 14а, сквѣрнѣна 15а, божѣствнѣнѣ 21а, сѣмѣрть 99об и др./.

Редуцированные гласные в сильной позиции в списке ИБ5 /XIV в./ передаются на письме графемами о, ѣ /милосѣрдѣа 1а/2х/, мѣртвѣнѣ 1об, вѣскрѣсноутѣ 1об и др./. Единственным исключением из этой нормы является пример крѣститѣлѣнѣ 1об.

В списке ирмология Р /XV-XVI вв./ каждый бывший сильный редуцированный обозначается буквами о, ѣ.

Приведенные факты доказывают, что судьба сильных редуцирован-

ных в графической системе певческих ирмологиев отражается так, как в рукописях другого содержания, т.е. в XI-XII вв. редуцированные обозначаются графемами ъ, ь, а начиная с XII-XIII вв. частично заменяются буквами о, е, и могут обозначаться на письме графемами ъ, ь, о, ѡ, е /б/. В певческих ирмологиях XIV-XV вв. бывшие редуцированные в этой позиции, как правило, во всех морфемах передаются только буквами о, е /б/. В этом отношении графические нормы певческих рукописей подобно рукописям разного характера и содержания отражает процесс вокализации сильных редуцированных и в живом древнерусском произношении и в литургическом произношении при пении.

Для характеристики литургического произношения раннего периода наибольший интерес представляют собой древнейшие списки древнерусских певческих ирмологиев /XI, XI-XII вв./, для которых - как уже было сказано - характерно сохранение на письме графем ъ, ь на месте слабых редуцированных и отсутствие замены сильных редуцированных буквами о, е. Эта графическая норма списков /Т, В/ указывает на то, что несмотря на начавшийся процесс падения слабых редуцированных в живом древнерусском произношении, в литургическом произношении, особенно в пении ъ, ь сохранились дольше¹⁸. Этот известный в науке факт подтверждается и особенностью графической системы более поздних /XII-XIV вв./ певческих рукописей /списки ИБ-У-ИГ, И65/, для которых характерно почти исключительное сохранение на письме слабых ъ, ь, вместе с тем, что на месте слабых и сильных редуцированных начиная с конца XII в., наблюда-

¹⁸ В.И. Борковский - П.С. Кузнецов: Историческая грамматика русского языка. М., 1963, стр. 101.

ется параллельное употребление графем ъ, ѣ, о /w/, e/ъ/. Сложнее обстоит дело с вопросом о том, как произносились слабые и сильные редуцированные в литургическом произношении при пении и в церковном чтении в разных веках, как оно менялось с течением времени в XI-XIV вв. В.И. Бороковский определил сохранившиеся слабые редуцированные звуки, как "особые звуки" ¹⁹. Факт, что в древнейших русских рукописях наблюдается спорадическая замена слабь ъ, ѣ буквами о, ѣ, привлек к себе внимание исследователей истории русского языка, но это явление либо было объяснено "невнимательностью" писцов, ²⁰ либо мимоходом было отмечено, что замена такого рода отражает искусственное церковнославянское произношение ²¹.

Существует и гипотеза, выдвинутая А.А. Шахматовым, Н.Н.Дурново, Э. Кошмидером и др., по которой ъ, ѣ слабые и сильные уже в древнейшем периоде, непосредственно следовавшем за крещением Руси, произносились как [o] и [e] ²². Однако наука все еще нужда-

¹⁹ Там же.

²⁰ С.П. Обнорский пример воспо-ѣ и др. в Чудовской псалтыри XI в. /97 г/ объясняет опиской. См. С.П. Обнорский: К истории глухих в Чудовской псалтыри XI в.СПб., 1912.

²¹ С.П. Обнорский, говоря о написании тържѣствоуѣмъ в Минее за ноябрь 1097 г. /12606/ и др. заметил, что "здесь мы имеем дело лишь с отражением искусственного произношения на церковный лад". См. С.П. Обнорский: Исследование о языке Минее за ноябрь 1097 г. ИОРЯС, т. XXIX., Москва, 1924, стр. 167.

²² Н.Н. Дурново: Славянское правописание X-XII вв. Slavia. 12 /1933/, стр. 51. А.А. Шахматов: Очерк древнейшего периода истории русского языка. ЭСФ. вып. II, СПб., 1915, § 344. E. Koschnieder: Schwund und Vokalisation der Halbvokale im Ostslavischen. "Die Welt Der Slaven" fohrgang III. 1958. Heft 2, S. 129.

ется в детальном анализе графической системы рукописей XI–XII вв., особенно певческих, наиболее ярко отражающих литургическое произношение.

Замена графем ъ, ь, обозначающих редуцированные в слабой позиции буквами о, ѣ, или написания с ъ, ь на месте этимологических о, ѣ – одна из самых интересных особенностей графики певческих рукописей. В списках ирмология XI–XIII вв. часто встречаются примеры, отражающие т. наз. хомонии при пении: ФХ: поимо 30а, многѣ 38а, бъгопротивно 47об и др.; ИГ: бъгъ 21а, щѣдрѣмоу 45а, зовъу 78а и др. Эти примеры, на наш взгляд, никак нельзя считать чисто графическим явлением, описками, ибо архаическая система литургического произношения старообрядцев–беспоповцев, сохранившаяся в немного измененном виде хомонии²³, с одной стороны, и древнейшие дошедшие до нашего времени певческие ирмологии /XI–XII вв./, содержащие в себе написания подобного рода с другой стороны доказывают, что здесь мы имеем дело с отражением на письме произношения при пении, а не только с графическими дублетами, появившимися вследствие падения редуцированных /См. написания в списке ирмология В: ново /вм. новъ/, соухо /вм. соухъ/, да благословитѣ /Зл. ед. ч. !/, да благословлено /м.р. !/ и др.; в списке Т: доухомоу, дѣло /род.п. мн.ч./ бъгъ и др. – всего около 20-и примеров²⁴. Можно предположить, что писцы певческих ирмологиев одновременно были и певцами и в ходе списывания текста и знамен могли напевать про себя мелодию, что способствовало отражению

²³ Б.А. Успенский: Архаическая система церковнославянского произношения. М., 1968, стр. 36

²⁴ E. Koschieder: Die ältesten Novgoroder Hirmologien-Fragmente. Lfg. 2. S. 62–63.

на письме литургического произношения.²⁵

Хотя вопрос о стихотворной форме силлабических ирмосов пока нельзя считать окончательно решенным, нам кажется наиболее вероятным, что сохранение слабых ъ, ь нельзя объяснить механическим стремлением переписчиков певческих рукописей к сохранению числа слогов; это явление находится в тесной связи с ритмико-мелодическими и просодическими законами церковных песнопений. Известно, что в некоторых случаях в текстах, отражающих полную хомонию /XIV-XVI вв./ наблюдается "отсутствие хомонии"²⁶, или наоборот, иногда в тексте ирмосов встречаются так наз. неорганические редуцированные гласные ъ, ь /См. например, ФХ: изъ оутробъ 10а, 42а и др./.

Таким образом, графико-облогографическая норма певческих рукописей, согласно которой ъ, ь в слабой позиции сохранились на письме или могли быть заменены буквами о, ѓ в сильной и слабой позиции; и наоборот, о, ѓ могли передаваться на письме графемами ъ, ь, отражает норму произношения при пении, в котором уже в XI-XII вв. редуцированные ъ, ь звучали как [о], [е].

Искусственное произношение [ъ], [ь] как [о], [е] могло быть нормативным не только при пении, но и при чтении литургических текстов, о чем свидетельствуют примеры с о, ѓ на месте слабых редуцированных в древнейших певческих рукописях XI-XII вв. /золо-

²⁵ Б.А. Успенский: Архаическая система ... стр. 114.

²⁶ Н.Д. Успенский: Теория древнерусской музыки. М., 1968, стр. 204. Р.О. Якобсон: О соотношении между песенной и разговорной народной речью. ВЯ, 1962, № 3, стр. 87-90.

В. Косчанинов: Ритмузики до zgodnienia chomonyi w formachach ros yjskich. Wilno, 1852.

Ѣ Изборник Святослава 1073 г. 172об, жестосердѣиимъ Новгородские Службные Минеи 1055 г. л.122, тъжествуѡуѣимъ Новг. Служ. Мин. 1097 г. 126об, воспоѣх Чудовская псалтырь л.97/ и в рукописях для пения, но без нотных знаков /веса , въ църкови и др. Стигироф 1157 г.; преподобене Благовещенский кондакаръ 1об, вшедо Благовещ. кондакаръ 11об; золовѣрни, църкове, вотороѣ и др. Биремовская Коричая и пр.²⁷

Искусственное произношение слабых ѣ, ѥ в литургии, хомония отражается и в таких частях текста, которые не нотированы /см. ФХ лл. 71а - 72а/, которые даже никогда не пелись /например в заглавиях/.²⁸

Число примеров такого рода, отражающих искусственное произношение редуцированных в древнерусских рукописях XI, XI-XII вв. значительно, их нельзя считать просто "описками", но все-таки по сравнению с этимологически правильными формами они представлены в меньшем количестве, причем многим рукописям совсем неизвестны написания с о, е, на месте слабых редуцированных. В научной литературе существует несколько гипотез для объяснения этого явления. В последнее время И.Х. Тот, вслед за Н. Дурново, отсутствие отражения искусственного произношения ѣ, ѥ в древнейших одноеровых рукописях объясняет тем, что искусственное произношение слабых [ѣ],

²⁷ На примеры такого рода обратил внимание А.А. Шахматов. См. А.А. Шахматов: Очерк древнейшего периода истории русского языка. ЭОФ. вып. 11, СПб., 1915, § 344.

²⁸ М.В. Бражников: Певческие рукописи и русская палеография М., 1949, стр. 446.

[ь] как [о], [е] на Руси сложилось только к концу XI в., ко времени появления на Руси южных славян, не различающих в своем произношении сильных [ъ], [ь] и [о], [е].²⁹ Нельзя исключить, однако, возможность и того, что искусственное произношение [ъ], [ь] как [о], [е] в литургии русской церкви было нормативным уже в конце X – в начале XI в. Это произношение могло сложиться под влиянием диалекта западноболгарских священников-учителей, прибывших в Киевскую Русь при Владимире и позже при Ярославе³⁰. Вокализация сильных [ъ], [ь] в западноболгарских диалектах началась в X в.³¹ В то же время, как известно, древнеболгарскому языку, древнеболгарским классическим рукописям чужда замена слабых ъ, ь буквами о, е.³²

Итак, русские священники-ученики, правильно различавшие в своем живом произношении [ъ], [ь] сильных и слабых и звуки [о], [е], по образу своих учителей-болгар, в литургическом произношении каждые [ъ], [ь] могли произносить как [о], [е]. Отсутствие отражения искусственного произношения в графике некоторых ранних рукописей объяснимо двумя причинами: писцы придерживались норм старо-

²⁹ И.Х. Тот: К изучению одноеровых памятников XI в. *Studia Slavicae Hung.* XXIV. 1978, стр. 257.

³⁰ А.А. Шахматов: Церковнославянские элементы ... М., 1950, стр. 257.

³¹ К. Мирчев: Историческа граматика на български език. София, 1978.

³² Л. Вайан: Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 47.

славянского оригинала и могли опираться на свое "языковое чутье", на свое живое произношение. На основе этих принципов могло сложиться на Руси XI в. 3 графических школы: одна двуеровая, этимологическая и две одноеровых графические школы³³. Однако приведенные нами данные доказывают, что помимо этих трех больших графических школ работали и такие писцы, которые основываясь на искусственном произношении, нередко заменяли ѣ, ѥ слабые и сильные буквами о, е, что в XI в., быть может, было нормативным для произношения, но явилось отклонением от традиционных графических норм³⁴. Влияние искусственного литургического произношения на орфографию рукописей, естественно, в певческих рукописях появилось раньше и проявилось сильнее, чем в рукописях литургического содержания, но непевческого характера.

По свидетельству дошедших до нас древнерусских, среднеболгарских и сербских певческих рукописей искусственное церковнославянское произношение редуцированных гласных берет свое начало в кирилло-мефодиевскую эпоху. Недавно найденные Ст. Кожухаровым 12 памятников староболгарской музыки содержат в себе ценный материал для изучения литургического произношения. /См. написания в Триоди XIII в. ѠмьѠѠ, ѠнѠѠ и др./³⁵.

По мнению Ст. Кожухарова, древнейшие рукописи, соержащие

³³ И.Х. Тот: К изучению одноеровых памятников XI в. St. Sl. Hung. XXIV., 1978, стр. 257.

³⁴ А.А. Шахматов: Церковнославянские элементы..., стр. 258.

³⁵ См. рецензию Р. Златановой на доклад Ст. Кожухарова, прочитанный на "Первом Международном Коллоквиуме по Палеоболгаристике". "Фитафиксация нот в среднеболгарских рукописях XII-XIII вв. или двенадцать недавно найденных памятников староболгарской музыки". Старобългаристика - Palaobulgarica II., 1978, 4, стр. 73.

фитафиксацию, находятся в непосредственной связи с глаголической традицией", ³⁶ что дает нам основание предположить существование особого литургического произношения редуцированных уже в IX-X вв. В сохранившихся от XV в. сербских певческих рукописях также встречаются примеры, свидетельствующие об искусственном литургическом произношении слабых редуцированных – согласно развитию сербохорватского языка – как [а]. /См. примеры: въ уустѣхъ, въсхвалимъ, сътвори и др./ ³⁷

На основании этих данных можем установить, что в X-XII вв. древнеболгарский язык, функционируя как общий древнеславянский литературный и культовый язык у славян, принадлежавших к византийской культурной среде – кроме местных особенностей – характеризовался не только общими морфологическими, лексическими, синтаксическими особенностями, но как язык богослужения имел и своеобразные нормы произношения. Самая интересная из этих норм – искусственное произношение слабых редуцированных как [о], [е] в Киевской Руси, [а] в Сербии, [о], [е] в западной Болгарии. Общее в этом литургическом произношении для православных славян было расхождение, несовпадение норм литургического произношения с нормами живого произношения.

2/ Другие особенности литургического произношения

На основании анализа графической системы исследуемых нами рукописей литургическое произношение кроме искусственного произ-

³⁶ Ст. Кожухаров: там же.

³⁷ Л.Е. Пеннингтон: Правила изговора литургијског појанја у Србији у петнаестом веку. В кн.: "Стара српска музика", Београд, 1975, стр. 33-49.

но эти дигитизации можно также назвать еще некоторыми особенностями. Известно, что в памятниках восточнославянского языка русского языка часто встречается взаимный обмен гласных \bar{h} и \bar{e} . Это графическое явление отчасти единичное или близкое друг к другу к известным явлениям $[\bar{h}]$ и $[\bar{e}]$ в системе литургического правописания. Литургическое явление сменения \bar{h} и \bar{e} , обнаруженное нами в первом издании рукописей, показывает, что сходное произношение \bar{h} и \bar{e} характерно и для церковнославянского литургического языка. Ср. ИВ: прѣпеть и дѣ, вошьде 30б, вешде, ЭХ: къ тебе 60в и др. Появление т. н. "вторичного \bar{h} " в ИВ, ЭХ, ИР /прѣтънь 30б, 3а, платьньнѣ 40б, 3а/ указывает на вторичное произношение рукописей ³⁸.

В графической системе исследуемых певческих рукописей о.славянских сочетаний ${}^+tj$, ${}^+kt$, ${}^+t$ без изменения представлены графемой \bar{h} , причем рефлекс о.славянского сочетания ${}^+dj$ — как правило — передается буквой \bar{h} . /Ср. ИВ: въ перѣ 30б, 30б, 3а, нѣтъ 1а, нѣтъ 40б; нѣтъ 40б, вошьство 3а, нѣтъ 3а, нѣтъ 40б и др./ Это графическое явление можно считать древнейшим из признаков церковнославянского языка русского языка ³⁹. Итак, характерной особенностью литургического правописания Киевской Руси мы можем считать существование в ней такого народного русского элемента — произношение \bar{h} / \bar{h} / ${}^+dj$ — и искусственного произношения \bar{h} / \bar{h} / ${}^+tj$, ${}^+kt$, ${}^+t$.

³⁸ А. А. Грозиков: Следи древнейшего периода ..., стр. 300., И. Дурново: Введение в историю русского языка, 3., 1939, стр. 79.

³⁹ И. Дурново: Славянское правописание X-XII вв. Slavica 11 /1933/, стр. 10. Э. Падич: Церковнославянские элементы... ст. 130 и сл.

Рефлексы о.славянских сочетаний типа ^xtort в певческих ирмологиях XII-XV вв. без исключения представлены южнославянскими по происхождению формами, с метатезой /Напр. ИБ: злато 40б, прохлажате- [ми] 8б, ФХ: съласъмь 14а; ИГ: хладъ 65об и др./ Нормативность произношения по южнославянскому образцу в певческих ирмологиях - кроме общих правил церковнославянского языка русского извода - могла под- держиваться и ритмо-мелодическими причинами.

Нестяженные написания в определенных грамматических формах /род.п. ед.ч. полных прилагательных, имперфект/ - одна из важней- ших характерных особенностей певческих рукописей XI-XV вв. В отли- чие от графики непевческих рукописей того же времени - в которой, начиная с XI в. встречаются стяженные формы - в певческих ирмологиях почти без исключения употребляются только нестяженные формы: прохла- жаахоу сд ИБ; роженааго ИГ 74об, ликъствоваахоу ФХ 49а; орощьшааго Т № 150 40об; падъшааго И65; радоваахоу сд В 112об и др. Заслужи- вает внимания тот факт, что в этих случаях над обеими буквами аа всегда надписано 2 нотных знака, что указывает на то, что при пении там звучало либо растянутое долгое [а], либо произносились оба зву- ка. Можно предположить, что сохранившееся у старообрядцев произно- шение подобных форм с "долгим двувершинным а" ⁴⁰ имеет свои корни в литургическом произношении Киевской Руси XI в. Похожее явление на- блюдается и в записях сербских церковных песнопений XV в, в которых А.Е. Пеннингтон обнаружила всего лишь один несомненный пример конт- ракции форм имперфекта /испитооваше/ ⁴¹. Такие морфологические ар-

⁴⁰ Б.А. Успенский: Архангелская система..., стр. 46, 73.

⁴¹ А.Е. Пеннингтон: Правила изговора..., стр. 41.

лизы, как нестяженные формы прилагательных, по просодическим, ритмическим причинам сохранились и в русских былинах⁴².

Графема и в певческих рукописях передавала [jъ] /напр. прѣхвальнии ИБ Ба, им.п. ед.ч. м.р. / и [jī] /напр. торжъствоуите ИБ Боб/ в положении после гласного в литургическом произношении. Певцы написаны над и, стоящим после гласного, однозначно указывают на то, что и после гласного не перешло в [j], а было слогообразующим, и произносилось как [jъ], [jī]. Такое же произношение и в сербском богослуженном пении, где удвоение буквы и в таких случаях отражает его слогообразующее произношение⁴³.

О качестве произношения г исследуемые нами певческие рукописи дают очень скромный материал. В ИГ два раза пропускается слог -го- из слова "благословити" /См. ИГ: благословите В, благословденть 12/, что может указывать на южнорусское произношение рукописи. Нельзя однако исключить возможность того, что в литургическом церковном произношении фрикативное произношение г - как на юге Руси - могло быть если не обязательным, то факультативным.⁴⁴

Подводя итоги нашим наблюдениям над графической системой рукописей, содержащие в себе литургические тексты, певческие и не певческие, можно установить следующие особенности:

1. Произношение ъ, ь /сильных и слабых/, как [o], [e].
2. Одинаковое или близкое друг к другу произношение ѣ и е, как [e].
3. Произношение ѣ /из о.сл. ⁺tj, ⁺kt, ⁺tc / как \tilde{sc} /

⁴² Л. Васильев: Язык "Беломорских былин". ИОРЯС У1, кн. 4, 1902, §§ 26, 31. Р.О. Якобсон: О соотношении... стр. 87-90.

⁴³ А.Е. Пеннингтон: Правила наговора ..., стр. 41.

⁴⁴ Б.А. Успенский: Архаическая система ..., стр. 67.

4. Исключительное произношение ж [z̃] на месте о.сл. + *dy*
5. Нормативное произношение типа трат на месте о.сл. + *tor̃t*.
6. Сохранение в произношении нестяженных грамматических форм [aa]
7. Слогообразующее произношение и в послевокальной позиции
8. Возможно, фриктивное произношение согласного г.

Эта система литургического произношения во многом отличается от живого древнерусского произношения – в этом смысле мы можем говорить об искусственном церковнославянском литургическом произношении. Однако различительные черты этой системы мы можем считать искусственными только потому, что они расходятся с соответствующими элементами живого произношения. В то же время нельзя упускать из виду, что каждый элемент литургического произношения построен на древнерусской артикуляционной базе; в этой системе нет ни одного звука, неизвестного живому произношению. Искусственность системы литургического произношения проявляется в более медленном темпе, более тщательном произношении звуков, чем в разговорной речи, в неразличении ударяемых и безударных слогов, в чтении "нараспев"⁴⁵. Это и является одной из причин возникновения особого литургического произношения. Несмотря на то, что некоторые различия могли быть между произношением священника при чтении евангельских текстов и произношением при пении⁴⁶, указанные выше особенности могли быть свойственны в целом литургическому произношению. Ответ на вопрос о том, какова была связь между литургическим произношением и манерой

⁴⁵ С. Булич: Церковнославянские элементы ..., стр. 130 и сл.

⁴⁶ И. Дурново: Славянское правописание..., стр. 49.

проявления в кругу стилих древнерусского литературного языка, а следовательно эти стили являются производными не народно-эпическим языком — самым сложным. С целью осветить бо́льшую часть — часть — историческую — на эти вопросы, мы привлекли в круг исследователи памятников древнерусского языка древнейшие /XI, XI—XII вв./ новгородские грамоты на бересте, которые наиболее ярко свидетельствуют о живом древнерусском произношении.

11/ Строение элементов искусственного
литургического произношения в графике
новгородских грамот на бересте XI—XII
веков

При археологических раскопках, проведенных в Новгороде, были найдены берестянные грамоты разного содержания и назначения. Текст обнаруженных грамот на бересте показывает, что население средневекового Новгорода писало на бересте свои письма, хозяйственные документы, инвентари, списки денежных долгов и др. На бересте процарапывали буквы и рисунки Онфим, "школьник" XIII в. и его товарищи, обучавшиеся грамоте. Исследователям известны берестянные грамоты, содержащие в себе текст молитв и даже литургических песен.⁴⁷ Известно, что еще при жизни основателя /XIV в./ в Троице-Сергиевской Лавре пользовались берестой для списывания церковных книг⁴⁸. Береста в качестве материала для письма, таким образом, удовлетворя-

⁴⁷ Грамота № 419 содержит в себе текст стихир, а грамоты № 128, 207, 351 — отрывки молитв.

⁴⁸ А.В. Арциховский, М.Н. Тихомиров: Новгородские грамоты... М., 1953, стр. 13. См. еще грамоту № 87 / Ѡ дробче Ѡпапа... / — письмо попа.

да не только потребностям простого, мирского населения, но и церкви.

Грамота № 422, письмо Местяты, написанное не самим "отправителем", а продиктованное какому-то третьему лицу, указывает на то, что несмотря на широкое распространение грамотности среди населения Новгорода XI-XII вв., были и такие горожане, которым не давалось усвоение грамоты⁴⁹. Нельзя исключить возможность того, что одна часть новгородских берестяных грамот, — быть может, даже некоторые из тех, в которых нет на это прямого указания — написаны не представителями простого, мирского населения, а попами, церковными лицами или образованными людьми, обучавшимися в церковных школах⁵⁰. Эти лица, возможно, профессионально занимались оформлением письменных документов, завещаний, писем новгородского населения.

В научной литературе не раз подчеркивалось значение новгородских берестяных грамот для изучения живого, разговорного древнерусского языка. Исходя из указанных выше фактов и соображений, на наш взгляд, анализ берестяных грамот может дать исследователям ценный материал и для исследования формирования правописных норм литературного языка и для изучения литературного древнерусского произношения.

Анализ графико-орфографической системы исследуемых берестяных грамот показывает, что свойственные рукописям литургического содер-

⁴⁹ А.В. Арциховский: Новгородские грамоты... М., 1963, стр. 31.

⁵⁰ О системе обучения грамоте в древнейшую пору /XI-XII вв./, к сожалению, не имеется прямых источников. По более поздним источникам /XIV-XV вв./, в Древней Руси обучение грамоте детей, начиная с семилетнего возраста, велось в церковных школах. См. об этом: Д.С. Лихачев: Культура Руси времени Рублева и Е. Премудрого. М.-Л., 1962.

хания графико-орфографические "правила" - осуществляющиеся как тенденция - отражаются и в графике новгородских грамот на бересте. Известно, что памятники церковнославянского языка русского извода XI-XII вв. принадлежат либо к одноеровой, либо к двуеровой графическим школам, сформировавшимся в Болгарии в IX-X вв. Большую часть изучаемых нами грамот можно причислить к двуеровой, этимологической графической школе. Однако среди новгородских берестянных грамот встречаются и такие, которые принадлежат к одноеровой школе, употребляющей преимущественно ь /№ 109/ или ь /№ 7,8/⁵¹. Быть может, в грамоте № 460 /XII в./, содержащей в себе 34 буквы азбуки - отсутствуют Ф, Н, Ѹ, Ѻ, Ѣ - отсутствие графем Н, Ѣ указывает на одноеровую школу с преимущественным употреблением Ѣ. Написание дльжьнь /№ 336, XI-XII в./ с ь после д также отражает влияние орфографии церковнославянских рукописей. Согласно правописной "неупорядоченности" употребления дублетов типа ѡ/ѡ, ѣ/ѣ в ранних церковнославянских рукописях XI-XII вв, писцы новгородских грамот XI-XII вв. употребляют эти дублеты без каких-либо правил /ср. новъгорожанина № 246, госта тоу № 527, на мѡѡ № 245, ѡти № 238 и др./ . В результате стремления писцов к упорядоченности употребления дублетов в XII-XIII вв., буквы ѡ, ѣ, как правило, употребляются в начале слова и слога, а ѡ, ѣ после согласного. Стремление русских книжников к упорядочению правописания, появляющееся в памятниках литературного содержания XIII-XIV вв., отражается и в правописных нормах новгородских грамот на бересте того же времени⁵².

⁵¹ И.Х. Тот: К изучению одноеровых памятников..., стр. 252./отв.ред./

⁵² В.И. Борковский: Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестянных грамот. М., 1955, стр. 72.

Графические нормы новгородских грамот следуют за изменениями в графико-орфографических нормах рукописей литературного содержания настолько чутко, что, например, графема Х, постепенно выходящая из употребления в рукописях XII в., появляется только в одной берестяной грамоте XII в. /№ 240/.

Целый ряд фактов указывает на то, что в ходе обучения грамоте жители Новгорода, простые русские люди, усваивали не только графические нормы, но и их живое произношение, особенно сильному влиянию искусственного церковнославянского, литературного произношения могло подвергаться их произношение при чтении.

В графической системе древнейших новгородских грамот при почти полной сохранности графем ъ, ь на месте слабых редуцированных наблюдается смешение ъ, ь и о, е. В исследуемых нами 35 грамотах XI, XI-XII, и XII вв. обнаруживается всего несколько примеров пропуска слабых ъ, ь: възми № 84, полоугривнѣ, створа XII в. двѣ № 108; в то же время число примеров смешения ъ, ь с о, е в слабой позиции этимологического редуцированного превышает 10 случаев: коуно род.п. мн.ч. № 80 XI в. /!/, васильви № 9⁵³, во роукахо № 107, въземни № 78, во дворо № 82, ко ѡъмь № 82, пъкландине № 87, хоцьши № 107, и др. Таким образом, мы можем установить, что влияние церковнославянской манеры произношения могло появиться в одинаковом произношении ъ, ь и о, е.

При преобладающем употреблении в новгородских грамотах полногласных форм, отражающих живое восточнославянское произношение писцов /корова, коровь, коровоу № 8, новъгорожднина № 246/, обна-

⁵³ флексия -ьвн- могла появиться и под влиянием основ на , но это объяснение нам кажется маловероятным. См. Палеографический и лингвистический анализ ..., стр. 109.

руженная нами форма чьстьное дрѣво /№ 246, Хlv./ указывает на то, что для письменной речи русского населения Новгорода не были чужды церковнославянские лексические элементы в древнеболгарской фонетической огласовке.

Форма атче, встречающаяся в грамоте № 109 /ср. др.р. аче и ст.сл. аште/, на наш взгляд является графической контаминацией и дает нам основание предполагать, что писец грамоты, колеблясь между своим живым произношением и усвоенным церковнославянским правописанием и произношением, если не в своем живом произношении, то в произношении при чтении мог произнести это слово на церковнославянский манер, как [aš̄te] или [aš̄ce].

Об одинаковом или близком друг к другу произношении на церковнославянский манер ѣ и е свидетельствуют многочисленные примеры смешения ѣ и е в древнейших новгородских грамотах /ср. веверицьми № 246 и вѣверицами № 335, вѣверичь № 105; лето № 246 кѣлѣа, кѣлса № 247; векшею № 336 и вѣкъшоу /sic! / № 120; къ микоуле, нынѣ /2x/, техъ № 109 и нынѣ № 9 и пр. ⁵⁴

Подводя итоги нашим наблюдениям над графикой певческих и других рукописей литургического содержания и над графическими особенностями новгородских грамот на бересте X–XII вв., мы можем установить, что русская церковнославянская графика и искусственное церковнославянское /литургическое/ произношение оказали заметное влияние на графику новгородских грамот и на произношение /при чтении/ грамотных людей. Это влияние осуществилось в процессе обуче-

⁵⁴ Формы типа едеша № 8, доеди № 9, отражающие раннее изменение [j + ѣ > j + е] оставили вне внимания. См. Палеографический и историко-лингвистический анализ ..., стр. 88.

ния грамоте жителей Древней Руси церковниками. Искусственное церковнославянское /литургическое/ произношение влияло на живое произношение русских людей и во время литургии, активными участниками которой как певцы хора они могли быть. Слушая или распевая богослужебные песни, внимая псалмодическому чтению священника, память верующих воспринимала искусственное литургическое произношение, оно могло утвердиться и оказать сильное влияние на их произношение при чтении и стать психологическими факторами такого произношения ⁵⁵.

Итак, на наш взгляд, при анализе и датировке письменных источников древнерусского языка даже не богослужебного содержания, должно быть учтено и влияние искусственного литургического произношения.

Известно, что традиционные палеографические признаки неоднозначны и не всегда применимы для датировки берестянных грамот, ввиду того, что они обладают многими специфическими чертами. При датировке грамот на бересте решающую роль должны сыграть языковые факты. Однако при этом нельзя забывать о том, что грамоты на бересте отражают живой говор их писцов опосредственно, так как в них дают о себе знать элементы церковнославянской графики и литургического произношения. Так например, в грамоте № 9 /грамота датируется исследователями или XI-ым или XII-XIII вв./, на наш взгляд, сохранение слабых ъ, ь вместе со случаем смешения ь и е не могут доказывать ни раннее, ни более позднее происхождение рукояси, ибо эти явления, как было доказано выше, могут отражать влияние церковно-

⁵⁵ По мнению Ст. Булича, церковнославянские фонетические элементы утвердились в живом русском языке в первую очередь устным, а не письменным путем, именно, под влиянием протяжного произношения священников. См. Ст.Булич: Церковнославянские элементы..., стр. 193.

славянской графики и искусственного произношения. В.И. Борковский считает невозможным раннее происхождение /XI в./ грамоты № 109 потому, что в ней употребляется из еров только њ, а ѣ смешивается с графемой е, что по мнению Р.И. Аванесова, указывает на XII в.⁵⁶ Учитывая тот факт, что оба графических явлений известно в рукописях XI в., литургического содержания и в этом случае мы можем иметь дело с влиянием церковнославянской графики, таким образом, нельзя исключить и возможность раннего происхождения грамоты № 109. Так же обстоит дело с датировкой грамоты № 8, в которой встречается форма сорокъ /ь вм. њ/, ведь писец грамоты мог принадлежать к одноеровой школе с преимущественным употреблением њ.⁵⁷

Анализ исследуемых рукописей XI-XIII вв. дает нам основание установить, что особое литургическое церковнославянское произношение, отличавшееся от живого народного произношения, в основных своих чертах сформировалось уже во время Киевской Руси. В дальнейшем, в XIV-XV вв., во время второго южнославянского влияния церковно-славянская графика и литургическое произношение дополняется новыми элементами /восстановление юсов в графике, распространение форм с сочетанием жд /вм. др.р. ж из ѣ и др./ . Изучение этого вопроса уже остается за пределами настоящей работы и требует дальнейших специальных исследований.

⁵⁶ Палеографический и лингвистический анализ ..., стр. 81.

⁵⁷ Там же, стр. 126. П.С. Кузнецов пишет, что "Сомнителен њ вм. њ, если грамота древняя".